

RU

Семантическая адаптация немецкого топонимического субстрата в современной ойконимии Поволжья

Сычалина Е. В.

Аннотация. Цель исследования - доказать влияние немецкой топонимической системы, функционировавшей в поволжских поселениях немецких колонистов со второй половины XVIII века до 1941 года, на современную русскую ойконимию. В статье рассматриваются процессы межъязыкового взаимодействия на топонимическом уровне в контексте этнополитических событий, обусловивших этапы официальных переименований. Научная новизна заключается в подходе к современной русской ойконимии Поволжья как к гетерогенной языковой подсистеме, законсервировавшей результаты языковых и культурных контактов с немцами и другими этносами. В результате установлено, что в ходе реноминации немецкий топонимический субстрат подвергся семантической адаптации. Значительная часть немецких ойконимов вошла в современную русскую ойконимию в виде калек.

EN

Semantic Adaptation of the German Substrate Toponyms in the Volga Region Toponymic Space

Sychalina E. V.

Abstract. The paper aims to reveal the influence of the German toponymic system on the modern Russian toponymy. The German substrate toponyms were introduced into the Russian toponymic space by the Volga Germans, they functioned from the second half of the XVIII century till 1941. The article examines the toponymic aspect of interlingual interaction in the context of ethno-political events which resulted in official renaming. Scientific originality of the study lies in the fact that modern toponymy of the Volga region is considered as a heterogeneous language subsystem formed as a result of language and cultural contacts with the Germans and other ethnoses. As a result, it is shown that in the process of renaming, the German substrate toponyms underwent semantic transformations. Many German toponyms were directly borrowed into the Russian toponymy.

Введение

Не вызывает сомнений положение о том, что топонимика любой территории многоязычна и многослоенна. Топонимию традиционно признают наиболее восприимчивой к межъязыковым контактам и, следовательно, более гетерогенной по сравнению с другими ономастическими подсистемами, например, антропонимией [1, с. 22]. Современная ойконимия Поволжья абсорбировала географические названия этносов, некогда проживавших в данном регионе, став, по выражению О. Т. Молчановой, «верхней стратой в топонимическом континууме» [12, с. 16]. Изучая этапы формирования топонимикона Поволжья, исследователи указывают на древние топонимы иранского, тюркского, финно-угорского и славянского происхождения [9, с. 6-7], ставшие языковыми свидетельствами контактов языков и их носителей в ходе освоения территории. Однако изучению влияния топонимии поволжских немцев на современную систему русских официальных топонимов до сих пор не было уделено достаточного внимания. Между тем поселения немецких колонистов, существовавшие в Поволжье со второй половины XVIII века до начала ВОВ, были весьма многочисленны: 104 материнские колонии были основаны в 60-е годы XVIII века, 61 дочерняя колония образовалась в период с 1847 по 1864 гг., число населенных пунктов АССР НП в начале 1940-х годов стремилось к 600, однако сюда входили не только немецкие, но и русские, украинские и другие национальные поселения. Внеся существенный вклад в освоение новых земель на Волге, немцы способствовали на протяжении почти 170 лет активному расширению топонимикона исследуемого региона. Предлагаемое исследование адаптации немецкого субстрата в современной топонимии Поволжья служит восстановлению исторической справедливости в отношении поволжских

немцев, память о роли которых в освоении территории была стерта актами насильственного переименования основанных ими поселений.

Актуальность темы исследования обусловлена активными процессами в сфере онимической номинации в современной России. В контексте глобальных изменений постсоветского времени вопросы именования и переименования топообъектов приобретают особую социальную значимость. Известные отечественные ономасты М. В. Голомидова, Т. П. Соколова и другие ученые, решая прикладные задачи топонимики – создание новых географических наименований, обновление городских топонимиконов, изучают возможности применения новых технологий, например, технологии нейминга, при выполнении этого социального запроса [5; 14]. Однако корректное решение проблемных вопросов современной именующей практики невозможно без изучения истории развития топонимического пространства конкретного региона. Весьма показательным в плане анализа топонимической номинации, реноминации, сосуществования и конкуренции национальных форм онимов в условиях контакта языков является Поволжье времен функционирования компактных немецких поселений, которые в специальных исследованиях нередко сравниваются с особой языковедческой лабораторией [8, с. 491], где проводились в том числе и масштабные топонимические эксперименты.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, изучить понятие топонимического субстрата, во-вторых, рассмотреть такой тип семантической адаптации топонимов, как калькирование, в-третьих, выявить следы немецкого топонимического субстрата и пути его адаптации в современной ойконимии Поволжья.

В статье применяются такие общенаучные методы исследования, как наблюдение, обобщение, дескрипция, приём количественных подсчетов, а также частные методы компонентного и ономазиологического анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды М. В. Голомидовой [6], И. А. Воробьевой [2], Н. В. Подольской [13], А. В. Суперанской [15] и других известных отечественных ономастов. Кроме того, в основу работы были положены исторические и лингвистические изыскания, посвященные межэтническому взаимодействию и языковым контактам в поволжских немецких поселениях, таких авторов, как А. А. Герман [3; 4], А. П. Дульзон [7], В. М. Жирмунский [8], А. Я. Минор [11] и др.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы при составлении топонимических словарей, а также в практике преподавания курсов по топонимике, лингвистическому краеведению, истории и культуре поволжских немцев.

К определению понятия топонимического субстрата

Проблема определения топонимического субстрата и его разграничения с заимствованием исследовалась в работах Б. А. Серебренникова, А. К. Матвеева, А. П. Дульзона, Р. А. Агеевой и других известных лингвистов. В топонимике субстратом обычно называют древний языковой пласт, не поддающийся этимологизации с точки зрения современного языка, функционирующего на данной территории, а принадлежащий языкам предшествующих народов. В частности, Т. В. Федотова определяет субстратный топоним как иноязычный топоним (или элемент топонима), вошедший в топонимическую систему данного этноса на данной территории из топонимии предшествующего этноса на той же территории [16, с. 18]. Субстратная топонимия резко отличается от исконных топонимов функционирующего языка отсутствием внутренней формы, своеобразием звукового облика и часто осознается самими носителями языка как чужеродный элемент.

Помимо явления субстрата в этнически неоднородных регионах можно наблюдать адстратное взаимодействие языков в области топонимии, то есть процесс заимствования географических названий и освоения их в языке-реципиенте. Такие топонимы А. К. Матвеев называет квазисубстратными [10, с. 89], и их тем больше, чем интенсивнее языковые и культурные контакты народов, населяющих данную территорию. В результате такого тесного взаимодействия квазисубстрат часто представляет собой смешение фрагментов разных топонимических систем.

Используя в настоящем исследовании понятие топонимического субстрата, мы исходим из исконного значения слова *substratum* «подстилающий слой» в латинском языке и трактуем его широко, а именно как влияние топонимии поволжских немцев на русскую национальную ойконимию, ставшую хронологически вторичной по отношению к немецкой топонимической системе. Последняя начала формироваться во второй половине XVIII века и в ходе русификаторской политики царского правительства в 1915-1916 гг. оказалась в ситуации конкуренции с русской официальной ойконимией. Немецкие поселения Поволжья, не имевшие прежде русских наименований, получили официальные названия вследствие массовых переименований, которые стали реакцией на антинемецкие настроения в российском обществе, спровоцированные войной с Германией и Австрией. Так завершилось формирование русской официальной ойконимии, функционирующей в регионе с тех пор в практически неизменном виде.

Топонимическое калькирование как способ семантической адаптации онима

При первичном анализе источников топонимов исследуемого нами региона [4, с. 375-385; 9] в структуре русских топонимов не обнаруживается ни немецких топоформантов, ни иных чужеродных элементов, появление которых можно было бы объяснить влиянием немецкого языка, если не считать ойконимов *Энгельс*,

Маркс, поселок им. Тельмана. Эти парадные посвящения по понятным причинам не были упразднены в отличие от десятков других официальных ойконимов Республики немцев Поволжья (1924-1941). Из сделанного наблюдения напрашивается вывод об отсутствии следов немецкого топонимического субстрата в современной русской ойконимии Поволжья. Однако это не так. Влияние немецкой топонимической системы на ойконимию мажоритарного этноса становится очевидным при сопоставлении списков населенных пунктов времен существования АССР НП и актуальных реестров.

В ходе такого анализа обнаруживается явная семантическая связь между современными ойконимами и немецкими наименованиями, им предшествовавшими. Почти четверть немецких ойконимов (24%) – в первую очередь, наименований материнских и дочерних колоний – в процессе реноминации подверглась особому виду трансформации – топонимическому калькированию, то есть переводу, при котором происходит изменение формы имени, но при этом сохраняется его этимология.

Традиционно выделяются два способа калькирования – полный и частичный перевод. Первый тип возникает чаще всего, когда внутренняя форма имени прозрачна для воспринимающей языковой системы, имеющей схожую топонимическую модель, как в случае с ойконимом *Sichelberg*, вошедшим в русскую топонимическую систему как *Серпогорье* (ныне *Серпогорское*). Русские топоформанты *-be* и *-oe*, дооформившие калькированные композиты, варьировались, но форма *Серпогорское* победила в конкурентной борьбе ввиду «втягивающего» воздействия русской топонимической системы, уже включавшей в себя такие имена, как *Генеральское*, *Орловское*, *Луговое*, *Подгорное*, *Подстенное* и др. В этот топонимический ряд с префиксом *Под-* также вошел новый калькированный топоним *Подлесное* (*Unterwalden*). Калькируются обычно модели, указывающие на признак объекта номинации, но последний ойконим дескрипцией не является. *Unterwalden* – перенесенный топоним. Называя немецкую поволжскую колонию в 1767 году именем одного из кантонов Швейцарии, администрация рассчитывала организовать ее устройство по европейскому образцу. В ходе реноминации прозрачная внутренняя форма топонима легла в основу русского ойконима *Подлесное*, несмотря на несоответствие семантики действительным признакам местности.

Особенно часты в анализируемом материале полукальки – частичный перевод исходных немецкоязычных топонимов, сопровождающийся трансформациями с различного рода опущениями. Преимущественно опускался второй компонент немецкого топонима-композиата: *Friedenberg* – *Мирное*, *Straßendorf* – *Придорожное*, *Philippsfeld* – *Филлиповка*, *Marienberg* – *Мариновка*, *Weizenfeld* – *Пшеничное* (ныне не существует), *Wiesmüller* – *Луговское*, *Tarlyksfeld* – *Тарлык*, *Freidorf* – *Мирный*.

Топоосновы *-berg*, *-burg*, *-dorf*, *-feld*, *-heim*, *-tal* и пр. традиционно оформляют топонимы-сложения в немецком языке. Поскольку эти топоэлементы находят соответствия в апеллятивной лексике – *Berg* «гора», *Burg* «крепость», *Dorf* «деревня», *Feld* «поле», *Heim* «дом», *Tal* «долина», – нередко содержание сложного немецкого топонима пытаются передать посредством перевода каждого из его компонентов, а затем нахождения значения целого из суммы значений частей. Это довольно легко сделать, если отношения между компонентами сложного топонима представляются очевидными, как, например, в ойконимах *Blumenfeld* «цветочное поле», *Lilienfeld* «поле лилий», *Schöntal* «прекрасная долина». Однако в названиях *Gnadenflur* (*Gnade* «милость, пощада», *Flur* «нива»), *Gnadental* (*Gnade* «милость», *Tal* «роса»), *Friedenberg* (*Frieden* «мир», *Berg* «гора») семантическая связь между топоосновами либо произвольна, либо неочевидна. Таким образом, при реноминации чаще всего калькируется одна из топооснов, как правило, первая, несущая основную семантическую нагрузку, поскольку постпозитивные топоэлементы сложных топонимов крайне редко мотивированы реальными признаками объекта номинации, и их связь с опорными апеллятивами весьма формальна. Топоформанты лишь дооформляют немецкие топонимы-композиаты, внося важное созначение «географическое название», «населенный пункт». Тем не менее случаи калькирования второго компонента тоже встречаются: *Schönfeld* – *Полянка*, *Schöntal* – *Долина*.

Последние два примера весьма показательны в плане сложности перевода ойконимов, отличающихся лишь топоформантами. Таких рядов наименований в немецкой топонимической системе было множество: *Rosenberg*, *Rosenfeld*, *Rosendamm*, *Rosental*, *Marienburg*, *Marienberg*; *Alexandertal*, *Alexanderdorf*, *Alexanderhöh*; *Gnadenflur*, *Gnadendorf*, *Gnadenfeld*, *Gnadental* и др. Чтобы успешно выполнять свою основную функцию обозначения единичного и идентификации объекта, топоним должен иметь уникальную, неповторимую форму. Чаще всего при переводе такую форму найти удавалось (*Rosenfeld* – *Розовое*; *Rosental* – *Розовка*), но мы обнаруживаем и примеры омонимичных русских ойконимов в пределах одной топонимической системы: *Alexandertal* – *Александровка*, *Alexanderhöh* – *Александровка*.

Следующий тип перевода ойконимов языка-донора основан на внешнем сходстве, созвучии единиц в обоих контактных языках. Так, при трансформации ряда имен с затемненной внутренней формой номинаторы руководствовались личными ассоциациями: *Caneau* [kaŋ`o:] – *Канское* (ныне *Андреевское*), *Boisroux* [boar`o:] – *Бордовское* (ныне *Бородаевка*), *Solothurn* – *Золотое* (ныне *Золотовка*). Распространенная в русском языке антропонимическая модель была реализована при адаптации таких топонимов, как *Paulskoje* – *Павловка*, *Glarus* – *Георгиевка*, *Basel* – *Васильевка*. При трансформации последнего топонима решающую роль сыграло отдаленное сходство исходного топонима с антропонимом *Basilius*, однако он, как и упоминавшийся ранее ойконим *Unterwalden*, относится к разряду перенесенных топонимов-посвящений и повторяет название одного из швейцарских кантонов. В ряд ассоциативных трансформаций входит также топоним *Beauregard*, интегрированный в русскую топонимию Поволжья как *Буерак*, где уже имелись такие компоненты, как *Караульный Буерак*, *Крестовой Буерак*, *Медведицкий Крестовой Буерак*, что еще раз подтверждает принцип системности и наличия на каждой территории своих топонимических моделей и набора повторяющихся топооснов.

Как показывает анализ, в условиях контакта языков при семантической адаптации названия в языке-приемнике географическое название языка-донора неизбежно подвергается переосмыслению. Не следует забывать о том, что условия, в которых происходило официальное переименование немецких поселений Поволжья, соотносятся с понятием искусственной онимической номинации, где субъективность номинатора максимальна, и его номинативные интенции определяются личными ассоциациями и собственными языковыми предпочтениями. Это существенно отличает акт наречения от естественного хода номинации, когда в именовании топообъекта участвует весь языковой коллектив, а имя проходит этап речевой обкатки и выработки оптимальной формы. Таким образом, в ходе искусственной номинации особенно высок риск ошибочного понимания значения географического названия из языка-донора, и тогда переименование сопровождается ремотивацией путем «народной этимологии», как в случае с топонимом *Rohleder*, который вошел в русскую ойконимию как *Раскатово*. Исходный топоним имеет антропонимическое происхождение и развился из имени форштегера (первого старосты) колонии. При реноминации топоним ошибочно был связан с лексемой *rollen* «катать, перекачивать», поэтому такой тип семантической адаптации немецкого топонима следует считать псевдопереводом.

Последнюю группу адаптированных русской топонимической системой ойконимов образуют наименования, при калькировании которых использовался прием смыслового развития. Он основан на передаче значения исходного топонима путем углубленного смыслового толкования. Значения немецкого и «нового» топонима связаны логическими причинно-следственными или метонимическими отношениями: *Lilienfeld* – *Белополье*, *Gnaden-dorf* (*Gnade* «милость») – *Благодатное*, *Hoffental* (*hoffen* «надеяться») – *Ждановка*. Очевидно, что в процессе реноминации определяющую роль сыграла положительная коннотация топооснов исходных топонимов. Номинаторам важно было сохранить их смысловое наполнение, и средствами теперь уже русского языка была реализована установка на эстетичность онима, свойственная условно-символическим наименованиям, к числу которых относятся приведенные примеры.

Заключение

Проведенный анализ топонимического материала позволяет сформулировать следующие выводы.

Топонимы, в отличие от других разрядов онимической лексики, традиционно признаются лингвистами самыми устойчивыми во времени и надежными языковыми свидетельствами жизни этноса. В исследуемой нами языковой ситуации географические названия миноритарного этноса *поволжские немцы* оказались подвержены влиянию целого комплекса этнополитических факторов, определивших процессы номинации и реноминации в онимической сфере. В силу известных исторических событий немецкие языковые острова в Поволжье и многие культурно значимые следы их длительного нахождения в регионе, включая национальную топонимию, были уничтожены.

В ходе исследования были обнаружены следы немецкого топонимического субстрата в современной ойконимии Поволжья. Он подвергся семантической адаптации и был интегрирован в русскую топонимическую систему. Калькирование (полный, частичный и псевдоперевод), деэтимологизация и переосмысление стали основными типами адаптации немецких топонимов. Таким образом, можно утверждать влияние немецкой топонимии на семантическую сторону ойконимов, функционирующих сегодня в Поволжье и обеспечивающих историческую преемственность двух топонимических систем.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении немецкого топонимического субстрата в современной русской ойконимии в других регионах компактного проживания групп российских немцев с целью выявления общих закономерностей и степени влияния разноязычных топонимических систем друг на друга.

Источники | References

1. Бекасова Е. Н. К проблеме гетерогенности ономастического фона Оренбуржья // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Междунар. науч. конф. (г. Кострома, 9-10 сент. 2020 г.): в 2-х т. Кострома: Костромской гос. ун-та, 2020. Т. 1. С. 21-26.
2. Воробьева И. А. Русская топонимия Алтая. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. 256 с.
3. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941: в 2-х ч. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. Ч. 1. Автономная область. 1918-1924. 192 с.
4. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941: в 2-х ч. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. Ч. 2. Автономная республика. 1924-1941. 416 с.
5. Голомидова М. В. Апробация технологии нейминга в создании официальных городских топонимов // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Междунар. науч. конф. (г. Кострома, 9-10 сент. 2020 г.): в 2-х т. Кострома: Костромской гос. ун-та, 2020. Т. 1. С. 38-44.
6. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 1998. 232 с.
7. Дульзон А. П. Проблема смешения диалектов по материалам говора с. Прайс. Саратов, 1938. 530 с.
8. Жирмунский В. М. Проблемы переселенческой диалектологии // Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. С. 491-516.
9. Козинец С. Б. Топонимический словарь Саратовской области. Саратов: Саратовский источник, 2013. 206 с.
10. Матвеев А. К. Субстрат и заимствование в топонимии // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 86-95.

11. Минор А. Я. Язык как средство сохранения исторической памяти этноса // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (16-17 ноября 2020 г.): сб. науч. ст. Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 7-12.
12. Молчанова О. Т. Топонимические изоглоссы и принципы реконструкции древних субстратов // Ономастика Поволжья: материалы XIII Междунар. науч. конф. (г. Ярославль, 13-14 сент. 2012 г.). Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. С. 15-20.
13. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
14. Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.
15. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
16. Федотова Т. В. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 18-24.

Информация об авторах | Author information

RU**Сычалина Екатерина Вячеславовна¹**, к. филол. н.¹ Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского**EN****Sychalina Ekaterina Vyacheslavovna¹**, PhD¹ Saratov Chernyshevsky State University¹ antkate@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): поволжские немцы; языковые контакты; топоним; ойконимия; топонимическое калькирование; Volga Germans; language contacts; toponym; oeconymy; toponymic calquing.